

КАК ПОПЫ ВОСПРИНЯЛИ МАКСИМА ГОРЬКОГО

Доктор Д.-Константиновской земской больницы В. Г. Лесовой по возвращении из города всякий раз привозил какие-либо интересные новости. На этот раз, придя к нам в школу, где мы, четверо учителей, яныывали в сумерках тогдашней жизни, Лесовой сообщил:

— Завтра через станцию Суроватиха поездом железной дороги проедет в Арзамас писатель Максим Горький.

Сообщил и оставил нас одних переваживать эту новость. А мы заговорили о сегости нашей жизни и о том, как красочно рисует писатель новых людей. Мы говорили и о том, что у нас даже нет ни одной книжки сочинений Горького, имя которого уже премело не только в России, но и за рубежом. И тогда я предложил своим коллегам:

— Завтра я отправлюсь на станцию Суроватиха, постараюсь увидеть Горького и скажу ему, что все местное учительство, да и другая деревенская интеллигенция, сильно пуждаются в хорошей книге, что во всем районе нет ни одной библиотеки, кроме жалких библиотечек для школьников с неизбежными «житиями святых» на полках. Я попрошу писателя прислать нам немного книг и, в первую очередь, конечно произведения самого Горького.

Мой план был всесторонне рассмотрен и одобрен, и на другой день еще далеко до прихода поезда, я уже был на станции. Мне сразу же бросилось в глаза необычное для глухой станции оживление и скопление публики в станционном зале. Гучный становой пристав Щительский в окружении нескольких урядников стоял у входа на станцию. Несколько жандармов прохаживались по перрону. Да в буфетном зале какие-то подозрительные личности, вернее всего, переодетые чины охранки распивали коньяк. Но вот подошел и поезд. Высокий человек показался на площадке одного из вагонов. По портрету, имевшемуся у меня, я быстро узнал в этом высоком человеке Алексея Максимовича.

— Поезд стоит пять минут! — прокричал обер-кондуктор, впритруску направляясь

в здание станции. И тотчас же колокол четко зазвонил и после короткой паузы, сильнее, чем обычно, прокричал один раз. Первый звонок... Я быстро подошел к вагону, на площадке которого стоял писатель. Я сильно волновался и стал что-то говорить. У меня давно уже были припасены слова, которые я должен был сказать писателю. Но у меня выходило что-то бессвязное, торопливое. В эту минуту толстый пристав напер на меня всей своей тушей и заорал злобно и брызгая на меня слюной:

— Здесь просят не останавливаться! Проройдите!

Все же я успел взглянуть на Горького и увидел, как он утвердительно кивнул мне головой. Видимо, он все-таки понял меня.

И какой же радостью преисполнилось мое сердце, когда спустя некоторое время, наша Д.-Константиновская школа получила из Н.-Новгорода основательную посылку: это был целый тюк книг—подарок от Алексея Максимовича. Эти книги послужили основным вкладом для районной учительской библиотеки.

В нашей, тогда двухклассной школе, а ныне уже средней школе, было двое «законучителей»: в старших—4, 5 и 6 классах—преподавал поп Николай Окворцов из соседнего села Салей, а в трех первых классах «закон божий» преподавал дальне-константиновский поп Саловский.

Худосочный, с тошней растительностью на лице и с прямыми, цвета грязного мочала, волосами на голове, поп Окворцов, с вечной невзвешенной улыбочкой на лице, мнил себя умнейшим человеком и так гордился своим «саном», что серьезно утверждал, будто бы на нем почивает благодать созида, ибо его посвящал сам архиепископ, помазавший его елеем. На деле же этот «помазанник» был клевещный человек, и среди местной трудящейся интеллигенции ходили упорные слухи, что Окворцов сочиняет доносы.

Второй, уже пожилой, поп Саловский «гуманикой» не занимался. Он по самые уши погряз в болоте крохоборческой по-

повской жизни, был большой пьяница, и о молебствиях по деревьям мужики доставляли его и дьякона всегда «в состоянии трупов», т.-е. опившимися до бесчувствия.

Слухи о подарке Максима Горького, конечно, сделались известными и этим попам. Оба они и почти одновременно заинтересовались вдруг произведениями молодого писателя. По прочтении взятых ими книг Горького они тотчас же начали высказывать свое мнение о них. Поп Садовский сказал:

— Прочел и должен сообщить вам, что творения сии для меня существенно неинтересны. Одно только могу сказать, что сентенции автора zelo опасны и зловредны, хотя изощрены и преизрядно. Даже сам Ф. М. Достоевский уступит ему в елсквенции.

От прочтения второй книжки сочинений Горького Садовский наотрез отказался.

Совсем не так реагировал на Горького

поп Скворцов. Прочтя одну книгу, он попросил себе и вторую, а затем захотел посмотреть и «вообще», из каких книг состоял подарок Горького. Он долго вертел в руках «Историю цивилизации Англии» — Бокля. Затем, напав на книжку Ежа — «На рассвете» и «Борьба за право» — Фрадоза, он увез с собой обе эти книжки. Возвращая их, Скворцов не мог скрыть своего злопыхательства.

— Не подобало бы в публичной библиотеке держать запрещенные книжки... Мне, пожалуй, придется написать об этом его превосходительству, господину директору народных школ...

— Ни одной запрещенной книги здесь нет. — пробовали доказывать попу. Но он твердил одно:

— Да что вы мне доказываете. Все запрещенные, а наипаче всего творения самого бывшего золоторотца... Наводил я о нем справочки и оказывается, что он человек не из благородного сословия... Да оно и видно из его творений... Призывы и прочее... Ждите, говорит. — скоро грянет буря... За такие-то призывы он уже и в остроге побывал...

И многозначительно помахивая перстом, поп добавил:

— Да, пожалуй, и те, кто книжницы сии направо и налево раздает, не менее автора их достойны той же участи.

Сделал ли поп Скворцов донос «куда следует» — неизвестно. Во всей этой истории более всего характерно то, что с первых же шагов своей писательской деятельности имя буревестника Горького было уже страшно и ненавистно мракобесам.

Н. НАРДОВ.